

УДК 930.23

DOI: 10.17223/19988613/48/5

И.Н. Данилевский

СЕМАНТИКА ОПРИЧНОГО ДВОРЦА И СМЫСЛ ОПРИЧНИНЫ: К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 17-01-00237 «Общественная мысль России: с древнейших времен до первой трети XX века»).

На материале, связанном с организацией и проведением опричнины Иваном Грозным, рассматриваются принципы корректного анализа ретроспективной информации, сохранившейся в письменных и материальных источниках. Поиск верных библейских «ключей» к перекодировке этой информации (в частности, целого ряда деталей описания Опричного дворца Генрихом Штаденом, а также некоторых строений, окружавших Дворец) позволяет с высокой степенью вероятности реконструировать не только замысел опричнины, но и в целом государственную идеологию Московского царства второй четверти XVI в.

Ключевые слова: исторические источники; ретроспективная информация; историческая реконструкция; государственная идеология.

Приступая к изучению исторического источника, исследователь должен ясно осознавать, что его «картина мира» и представления, которые зафиксированы в исследуемых текстах, не совпадают. Это – первый и необходимый шаг к преодолению культурно-исторической дистанции, которая всегда разделяет автора источника и современного исследователя. Верно понять семантику образов, дошедших из прошлого, возможно лишь в том случае, если удастся найти тексты, которые в явном виде раскрывают смыслы, скрытые в источниках. От точности найденных связей непосредственно зависят результаты сопоставлений и, соответственно, степень научности реконструкций идей, которые были заложены в основу тех или иных носителей ретроспективной информации их создателями. Интуитивные озарения, конечно, могут помочь – и порой помогают, но могут и вводить в заблуждение. Чтобы догадка превратилась в научную гипотезу, необходимы доказательства, приведенные в некую систему. Некорректность в обосновании догадки, невнимание к «мелочам», «деталям» в лучшем случае заставляют сомневаться в исходной идее, в худшем – дискредитируют ее в глазах специалистов (как это, скажем, произошло с мыслью о присутствии «библейско-агадического элемента» в произведениях древнерусской литературы, высказанной Г.М. Барацем [1–3 и др.] и, в силу небрежности ее обоснования, на много десятилетий «закрывшей» изучение библеизмов в источниках древней Руси).

Ярким примером подобного рода недоразумений являются попытки исследователей понять политику Ивана IV, известную под названием *опричнина*. Главные вопросы, которые их волнуют: причины ее введения в 1565 г. и отказа от нее в 1572 г. (вплоть до запрета упоминания самого слова *опричнина*), смысл проводившихся в эти годы мероприятий. По словам великого русского историка В.О. Ключевского, «учреждение это всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от

него, так и тем, кто его исследовал» [4. С. 331]. Заметим, однако, что это утверждение не распространяется на того, кто его инициировал и проводил. Иван Грозный, скорее всего, вовсе не считал опричнину странной. Напротив, для него в ней, несомненно, просматривалась своя достаточно жесткая логика.

О смысле опричной «политики» споры ведутся уже не одно столетие. Одни историки считали, что царь с ее помощью боролся против «реакционного» боярства, опираясь на «прогрессивное» дворянство, другие полагали, что речь шла о борьбе с удельными порядками, третьи – что царь стремился избавиться от своих политических соперников (прежде всего, удельных князей и наиболее влиятельных бояр), четвертые – что тем самым Иван старался укрепить свою абсолютную власть... Однако ни одна из этих точек зрения не охватывала всё, что известно нам об опричнине. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что в опричное войско входили не только дворяне, но и бояре (в том числе наиболее родовитые), а репрессиям подвергались не только бояре (вместе с семьями, включая малолетних детей), но и их слуги, среди которых было немало дворян; к тому же многие опричники, среди которых были и те, кто играл в войске царя едва ли не ведущие роли, также были казнены; после смерти Ивана уделов оказалось больше, чем во время его прихода к власти; личная власть царя не была ничем ограничена и без опричных казней... (подробнее см.: [5. С. 116–117; 6; 7. С. 153; 8. С. 192; 9 и др.]).

Серьезный шаг к пониманию того, что стояло за одним из самых кровавых процессов в истории древней Руси, сделал в свое время А.Л. Юрганов¹. Он обратил внимание на описание Опричного дворца, оставленное одним из очевидцев событий того времени, немцем-опричником Генрихом Штаденом. Приведем его полностью:

«Великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на

самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх – из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроко-нечно, без крыши и бойниц.; [протянулись они] приблизительно на 130 сажени в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие – на юг, третьи – на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом... На этом дворе были выстроены три мощных постройки и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине. От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла. Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорами был погреб, полный больших кругов воску. Такова была особая площадь великого князя. В виду сырости она была засыпана белым песком... Ворота были обиты жестью. На них было два резных разрисованных льва – вместо глаз у них были пристроены зеркала; и еще – резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один [лев] стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины. Южные ворота [– калитка] были малы: только один и мог в них въехать или выехать. Здесь были выстроены все приказы и ставились на праведж должники, которых били батогами или плетью... Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили. ... Снаружи слуги князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то [верхом] они могли следовать за ним только вне двора. Через восточные ворота князя и бояре не могли следовать за великим князем – ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней. Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; [там была] большая площадь, ничем не застроенная. На севере были большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами... были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листьев... Здесь была калитка, чтобы с поварен, погребов и хлебен можно было доставлять еду и питье на правый [великокняжеский] двор. Хлеб, который он [великий князь] ест сам, – несоленый. Здесь были две лестницы [крыльца]; по ним можно было

подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоились крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до самых стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно и фундамент ее шел вглубь на 8 дубовых сваях; три года она стояла непокрытой... Другая лестница [– крыльцо] была по правую руку от восточных ворот. Под этими двумя лестницами и переходами держали караул 500 стрелков; [они же несли] и все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел. На южной стороне ночью держали караулы князя и бояре» [13. С. 108–110].

Юрганов обратил внимание на то, что ряд деталей этого описания (квадратная форма дворца; трое ворот, выходивших на север, юг и восток, отсутствие западных ворот; то, что через восточные мог въезжать только великий князь и т.п.) соответствует описанию Града Божьего [12. С. 90] в видении пророка Иезекииля (Иез 40–42). Однако как это было связано с последующими событиями, историк не объяснил, отметив лишь, что «царь строил Опричный дворец с религиозной целью: это был дворец, воплотивший в себе эсхатологические представления Ивана Грозного и его эпохи» [Там же. С. 97]. При этом из поля зрения выпал целый ряд чрезвычайно важных «мелких» моментов, а некоторые из них получили весьма произвольную интерпретацию.

Рассмотрим некоторые из таких сюжетов.

Прежде всего, Град Божий, явленный Иезекиилю, считался и считается прообразом Третьего Храма Иерусалимского, который, по преданию, будет построен на Храмовой горе (напомню, по Штадену, Опричный дворец был возведен «на самом высоком месте») либо самим царем-помазанником (что станет свидетельством, что он – Мессия), либо непосредственно перед приходом Мессии. Об этом, в частности, писал Маймонид, некоторые сочинения которого были переведены на Руси еще в XV в. (единственный известный западнорусский список Логики Моисея Маймонида, или Моисея Египтянина, как его называет создатель рукописи, относится к первой половине XVI в.) [14. С. 381]. Правда, согласно христианской традиции, в Третьем Храме должен был воцариться лже-мессия, антихрист. Тем не менее это должно было служить одним из важнейших признаков скорого (через 3,5 года) Второго Пришествия Спасителя.

В связи с этим строительство Опричного дворца царем-помазанником (венчание на царство Ивана Грозного произошло 16 января 1547 г.²) вполне могло рассматриваться в свете подобных представлений.

Кстати, фундамент Храма Господня, который был построен по распоряжению Соломона, должен был

быть из тесаного камня (3 Цар 5 17)³, что еще больше сближает описание Опричного дворца с образом Храма Иерусалимского.

Следовало бы тщательнее проанализировать и размеры Опричного дворца, указанные Штаденом. Как мы помним, он упомянул, что стены дворца протянулись «приблизительно на 130 сажень в длину и на столько же в ширину». Судя по всему, Юрганов так и не смог согласовать очевидное, казалось бы, расхождение этих размеров с упоминанием протяженности стен Храма, который описывает Иезекииль (Иез 42 16–20): по 500 локтей в длину и в ширину. В Острожской Библии (1581) этот текст выглядит так: «И размѣри сказаніе храму окрестъ съ заповѣдію. И ста на югъ вратъ, зрящихъ на востокъ, и размѣри пять сот тростію мѣрною. И обратися на сѣверъ, и размѣри на лице сѣвера, лакоть пять сотъ тростію мѣрною. И обратися къ морю, и размѣри на лице моря, пять сотъ тростію мѣрною. И обратися на югъ, и размѣри противу югу, 5 сот тростію мѣрною: на четыре страны тоужь тростію. И заповѣда ѿ ограду окрестъ ему: пятію сотъ лактъ долготу, пяти сот же лактъ широту» [19. Л. 126]. Практически те же размеры приводятся и в Елизаветинской Библии 1751 г., которую цитирует Юрганов⁴: «Четыри страны тоужде тростию: и расположи его, и орграду окрестъ ему, пять сотъ лактей [долготу] на востокъ, и пять сотъ лактей широту» [20. С. 1087].

Выход из видевшегося ему противоречия историк предложил довольно своеобразный: «Г. Штаден обратил внимание на то, что царя во дворце охраняли 500 стрелков: они несли “все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел”. В послании Таубе и Крузе сообщается: “Он, великий князь, образовал из них (опричников. – А.Ю.) над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей... Все братья... должны носить длинные черные монастырские посохи с острыми наконечниками”. В двух независимых источниках, таким образом, называется одна и та же цифра... В опричном монастыре и в Опричном дворце было не только 500 братьев, но и 500 посохов-тростей. Едва ли такая деталь случайна, хотя обнаруженная связь, по всей видимости, сугубо символическая» [12. С. 96]. Таким образом, исследователь «превратил» монастырские посохи опричников в мерные трости, которыми некий муж проводил измерения для Иезекииля, и тем самым, как ему кажется, разрешил расхождение в размерах Опричного дворца, упомянутых Штаденом, и Дома Господня из видения Иезекииля. При этом Юрганов предпочел не уточнять, что дает основание считать «стрелков»-охранников, упомянутых Штаденом (и которых он, кстати, отделяет от князей и бояр, державших караулы ночью на южной стороне Дворца), опричниками, о которых писали Таубе и Крузе, и носили ли они те самые посохи: его вполне устроило совпадение числа 500, упомянутого в разных источниках...

Ошибка, очевидно, кроется в незаметной, на первый взгляд, «детали». Действительно, в синодальном переводе Библии размеры Храма Господня даются в мерных тростях: «Когда кончил он измерения внутреннего храма, то вывел меня воротами, обращенными лицом к востоку, и стал измерять его кругом. Он измерил восточную сторону тростью измерения и намерил тростью измерения всего пятьсот тростей; в северной стороне той же тростью измерения намерил всего пятьсот тростей; в южной стороне намерил тростью измерения также пятьсот тростей. Поворотив к западной стороне, намерил тростью измерения пятьсот тростей. Со всех четырех сторон он измерил его; кругом него была стена длиною в пятьсот тростей и в пятьсот тростей шириною, чтобы отделить святое место от несвятого» (Иез 42 15–20). Однако в тексте, бытовавшем во времена Ивана Грозного [19. Л. 144 об.], как мы видели, размеры Храма приводятся в локтях, хотя упоминается и мерная трость, размеры которой в 6 раз больше: «И в руцѣ мужу мѣра тростяна шести лактъ и пяди» (Иез 40 5)⁵. Штаден же дает размеры стен Опричного дворца в саженьях. На эту-то «деталь» и не обратил внимания Юрганов.

Между тем, локти (точнее, локоть с пядью), в которых давались размеры Храма, для древнерусского читателя могли, скажем, равняться приблизительно 57 см: 38 см (локоть) + 19 см (пядь). Следовательно, 500 локтей в его представлении составляли бы около 285 м (57 × 500). Сажень же, которой измеряет («приблизительно»!) стены Опричного дворца Штаден, могла равняться 216 см (так называемая новая сажень, использовавшаяся в XVI в.). Соответственно, 130 таких сажень должны были составлять чуть больше 280 м. Впрочем, какие бы древнерусские сажени ни имелись в виду, любая из них содержала по 4 локтя, т.е. 500 локтей приблизительно соответствует для древнерусского человека 130 сажням (500 : 4 = 125). Так что размеры Дворца, построенного по приказанию Ивана Грозного, практически точно соответствуют представлениям читателя XVI в. о размерах Храма, описываемого Иезекиилем.

Произвольно были истолкованы Юргановым также изображения льва и двуглавого орла, украшавшие Опричный дворец. С одной стороны, исследователь вполне справедливо отмечает: «Чтобы объяснить значения льва и двуглавого орла в системе уже показанных нами символов Опричного дворца, следует обратиться к религиозной основе этих образов» [12. С. 93]. С другой – тексты, которые рассматриваются им в качестве такой основы, вызывают по меньшей мере сомнения.

«В Откровении Иоанна Богослова читаем: “И посреде престола и окрест престола (Божия. – А.Ю.) четыре животна исполнена очесъ спреди и созади” (Откр 4 6). Этими животными были лев, телец, человек (“третье животное имущее лице яко человек”) и орел. Зеркала в глазницах льва, смотрящих вовнутрь дворца и в сторону земщины, как бы подчеркивали, что первое апокалиптическое животное “исполнено очесъ”. Первую печать “книги жизни” снял именно лев. Снятие второй

печати тельцом символизировало, согласно толкованию Андрея Кесарийского, “священные жертвы святых мучеников”; третьим животным, снявшим печать, был человек... Любопытнее всего, как определяется в Откровении четвертое животное, снимающее печать: “И четвертое животное подобно орлу летящу” (Откр 4 7)... В лицевых апокалипсисах XVI в. орел изображался с распростертыми крыльями. Именно вслед за открытием четвертой печати появляется новая фигура, что само по себе симптоматично, если иметь в виду царский замысел: “И видех, и се, конь блед, и сидящий на нем, имя ему смерть: и ад идяше в след его; и дана бысть ему область на четвертой части земли” (Откр 6 8). Итак, двуглавый черный орел с “распростертыми крыльями” (т.е. летящий), обращенный в сторону земщины, имеет помимо геральдической символику апокалиптическую: это образ адского наказания, которое настигнет неизбежно в последние времена» [12. С. 93–94].

И далее: «В “Беседе трех святителей”... Соломон спросил: “Что суть 4 рози (образа. – А.Ю.) на земли? – Иоанн рече: “Четыре евангелисты, на востоце Матфей, человеческим; на западе Марко, телчим; на севере Иоанн, орлим; на юзе Лука, лвовым образми, вси бо крылата”. Подобные представления были традиционными, а потому можно предполагать их осуществление в Опричном дворце Ивана Грозного. Восточная сторона – “человеческая”; западная олицетворяла собой тельца и Второе пришествие Христово; северная – связана с образом орла. Южная сторона не случайно представлена образом льва. Кроме того, орлы на всех трех башнях дворца были также связаны с символическим значением имени Иоанна Богослова» [Там же. С. 94].

Юрганова не смущает целый ряд принципиальных несоответствий текстов, которые он использует для объяснения символических фигур, с описанием Штадена. Прежде всего, Штаден упоминает не четыре, а лишь два изображения животных. Кроме того, все животные (в том числе изображение, *напоминающее* льва), согласно тексту Апокалипсиса, на который опирается Юрганов, должны были бы иметь по шесть крыльев «вокруг», а «внутри» «исполнены очей *спереди и сзади*» (Откр 4 6–8). Но ни один из этих признаков Штаден не упоминает. Наконец, четвертое животное, о котором идет речь в Апокалипсисе, мало похоже на *двуглавого* орла; это даже не вполне орел (оно лишь «*подобно* орлу»). Единственное, что роднит его с орлами Опричного дворца, – распростертые крылья. Хотя этот – существенный, по мнению Юрганова, – признак вовсе не свидетельствует о том, что Штаден пишет о *летящих* двуглавых созданиях. О двух же головах орлов, украшающих Опричный дворец, Юрганов предпочитает не вспоминать, видимо считая эту «мелочь» – по сравнению с распростертыми крыльями – несущественной.

Гораздо более плодотворными представляются в данном случае поиски библейского текста, в котором бы упоминались только два животных: лев и двуглавый орел.

Он достаточно хорошо известен. Речь идет о библейской 3-й книге Ездры. В ее 11–12 главах повествуется о видении *трехглавого* орла, который был побежден львом. Смысл видения Ездры объясняется так: «орел, которого ты видел восходящим от моря, есть царство, показанное в видении Даниила, брату твоему⁶... А что ты видел три головы покоящиеся, это означает, что в последние дни царства Всевышний воздвигнет три царства и покорит им многие другие, и они будут владычествовать над землею и обитателями ее с большим утеснением, нежели все прежде бывшие; поэтому они и названы головами орла, ибо они-то довершат беззакония его и положат конец ему... Лев, которого ты видел поднявшимся из леса и рыкающим, говорящим к орлу и обличающим его в неправдах его всеми словами его, которые ты слышал, это – Помазанник, сохраненный Всевышним к концу против них и нечестий их, который обличит их и представит пред ними притеснения их. Он поставит их на суд живых и, обличив их, накажет их» (3 Езд 12 10–33).

Образ трехглавого орла тесно связан с «теорией» последнего, третьего царства и вполне отчетливо ориентирован на эсхатологические ожидания, приобретшие особую остроту во второй половине XV–XVI в. Этот символ прослужил основой для многочисленных толкований (подчас прямо противоположных) в русской богословской среде конца XV–XVII в. (см.: [21. С. 143–149]). Тем не менее текст 3 книги Ездры не принято использовать для интерпретации образа двуглавого орла. Причиной этого, видимо, стали три фактора.

Во-первых, считается, что ни греческий [22. С. 42], ни славянский [23. С. 28] тексты 3 книги Ездры не были известны на Руси до 1499 г. Только при подготовке Геннадиевской Библии она была переведена с латинской Вульгаты. Это, в частности, подтверждается тем, что в Изборнике 1073 г. в индексах рекомендованных и запрещенных для чтения религиозных книг [24. Л. 203–204, 252–253, 253–254] упоминание 3-й книги Ездры отсутствует.

Во-вторых, смущает различие числа голов у «опричного» орла и орла Ездры. Так, говоря об отождествлении некоторыми новгородцами и псковичами – членами геннадиевского кружка – двуглавого орла, ставшего гербом Московского царства, и Антихриста (с опорой на 3-ю книгу Ездры), Т.А. Опарина замечает: «Не ясно, видели ли авторы подобных концепций несогласование между двуглавым орлом герба и трехглавым III книги Ездры. Возможно, им было важно лишь то, что орел на гербе был многоглавым» [21. С. 145].

Наконец, в-третьих, по мнению Д. Стремоухова, которое разделяют многие исследователи, первоначально восприятие двуглавого орла (как, кстати, и отождествление Москвы с Третьим Римом) носило антимосковскую окраску [см.: 25. С. 89–96].

Несмотря на всю резонность этих соображений, представляется, что определенные основания для связи изображения двуглавого орла именно с текстом 3-й книги Ездры все-таки имеются.

Прежде всего, следует учитывать, что многоглавые орлы встречаются и в относительно ранних письменных источниках, появившихся на территориях, поддерживавших контакты с католической Европой, где знакомство с 3-й книгой Ездры могло состояться значительно раньше. Так, при описании строительства, которое велось в Холме Даниилом Галицким в самом конце 50-х гг. XIII в., летописец рассказывает, что на расстоянии поприща от города был поставлен «столп... камен, а на нем орел камен изваян... с головами» [26. Стб. 845]. При анализе этого сообщения Ю.А. Артамонов обратил внимание на любопытную деталь: летописец, говоря о головах орла, употребил множественное число («головами») [27. С. 22]. Упоминание нескольких голов у холмского орла вполне может быть связано с семантикой образа двуглавого орла в контексте указанного ветхозаветного текста.

Дело в том, что третья – средняя и самая большая – голова орла, о котором идет речь в 3-й книге Ездры, «внезапно исчезла», и «оставались две головы, которые... царствовали на земле и над ее обитателями» (3 Езд 11 33–34). Таким образом, орел Ездры мог изображаться с невидимой третьей головой: как двуглавый. Косвенно об этом свидетельствуют государственная печать самого Ивана IV, на которой присутствует одна большая корона между головами орла [28. С. 211], изображения восьмиконечного креста на голгофе, помещенного между двумя орлиными головами, на печатях Федора Ивановича (1585), Бориса Годунова (1602), Лжедмитрия I (1606), Василия Шуйского (1606) и Михаила Федоровича (1636) и, наконец, появление на этом месте на печатях Алексея Михайловича (1654 и 1672 гг.) большой третьей короны, которая сохраняется и в более позднее время, иногда полностью замещая короны, или венцы, над двумя головами орла [29. С. 37–39, 41, 43–44, 46–51].

Наконец, очевидно, что сам ветхозаветный образ трехглавого орла мог восприниматься неоднозначно (как и связанная с ним «теория» третьего царства). Мало того, даже в одной и той же социальной среде его интерпретация могла серьезно изменяться⁷. «Промосковский» или, напротив, «антимосковский» характер этого символа не мог быть задан изначально (ср.: [21]). Его семантическое наполнение должно исследоваться специально в каждом отдельно взятом случае.

Обращение к тексту 3-й книги Ездры представляется более продуктивным и логичным для истолкования изображений льва и двуглавого орла, украшавших Опричный дворец. Более того, этот текст позволяет вплотную заняться вопросом о том, почему, скажем, все двуглавые орлы Опричного дворца были обращены грудью в сторону земщины, а лев – вовне и внутрь дворца...

Теперь обратимся к дате введения опричнины. Как отмечает Юрганов, «мы никогда до конца не узнаем, в какой момент и почему царь решил ввести опричнину». Однако момент был выбран вполне определенный и, скорее всего, не случайно. По широко распространен-

ным в первой половине XVI в. представлениям, очередной – и, как считали, последней – потенциальной датой конца света должен был стать 7077 (1569) год [12. С. 80]. Однако ей, согласно христианской доктрине, должно было предшествовать «малое время», на которое устанавливается владычество дьявола: 3,5 года. Исходя из этого дата введения опричнины представляется вполне логичной и понятной: она учреждается за три с половиной года до ожидающегося конца человеческой истории. Однако введение опричнины Юрганов связал не с этой датой, а почему-то с уже прошедшим 1562 г.: «Прошел 7070 (1562) год. Зло и беззаконие нарастают; каков же выход? Вся русская история, создавшая особый тип сакрализованной монархии, подвела его к мысли начать собственную борьбу со злом, как он его понимал. Промежуток между 1562 г. и известным нам по источникам началом опричнины составляет около трех лет... Иван Грозный не стал ждать истечения срока...» [12. С. 87].

Не менее любопытным представляется и то, что незадолго до начала опричных мероприятий, в 1549 или 1550 г., в Москве появляется еще одно довольно странное сооружение: на Пожаре (Красной площади) возводится Лобное место⁸. Назначение его неясно. Широко распространено мнение, что это было место казней, где рубили (или «складывали») «лбы» (головы), отчего оно и называлось Лобным. Обращается также внимание на то, что во многих актах Лобное место называется «Царским». Это принято связывать с тем, что там устанавливали некое «царское место», с которого государь объявлял свою волю.

Однако в предлагаемом нами контексте это сооружение приобретает несколько иной смысл, который подтверждается источниками: «Есть же Голгофа мѣсто, идѣже распяты Господь, камень кругомъ высокъ, иже нарицается Голгофа, исподи же, подъ распятиемъ, идѣже есть глава Адамля, то нарицается Краниево мѣсто, иже есть Лобное...» [34. С. 238]. Соответственно, это место – место распятия Христа – могло называться «Лобным», поскольку под ним был захоронен, согласно преданию, Адам, а также «Царским», поскольку оно связано с Царем Славы⁹. Получает объяснение и форма московского Лобного места («камень кругомъ высокъ»).

Не исключено, что и расположение Лобного места, как и Опричного дворца, было неслучайным: оба они находились практически в устье р. Неглинной (Лобное место – на берегу рва, заполненного ее водами), которая вполне могла ассоциироваться с «потоком», рекой жизни Тысячелетнего царства, упоминаемой Иезекииелем (Иез 47 1-2): «...и се вода исхождаше ниже непокровеннаго храма на востокъ, яко лице храму зрѣше на востокъ, и исхождаше вода ѿ оугла деснаго ѿ юга къ требнику» [19. Л. 148 об.]. Такая ассоциация могла усиливаться тем, что Неглинная действительно, омывала Опричный дворец с юга, по правую руку если стоять лицом на восток, «ниже» того самого «непокровен-

ного храма», который упоминается у Штадена («церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке... три года... стояла непокрытой»). К тому же у Захарии сказано, что вода, вытекающая из Иерусалима, «разделится»: «живые воды потекут из Иерусалима, половина их к морю восточному и половина их к морю западному» (Зах 14 8). А как раз у Опричного дворца воды Неглинной делились на две части: одна из них поступала в ров, отделявший Кремль от Пожара (Красной площади), в то время как основное русло впадало в Москву-реку у Боровицкой башни Кремля.

Примерно в это же время на подъезде к Москве появляется и еще один «иерусалимский» топоним: Поклонная гора, которая впервые упоминается в так называемой Хронике Быховца, написанной в XVI в. Связь этого топонима с иерусалимской Поклонной горой не вызывает сомнения.

Судя по всему, в преддверии грядущего конца света Москва отстраивалась как столица последнего царства, во главе которого стоял царь-помазанник.

В пророчестве Иезекииля оговаривалось также имущественное обеспечение князя, который возглавит будущее теократическое общество: его земельный надел (западные земли) охватывал священный надел Господень и отделялся от земли неосвященной (восточные земли). В этом, видимо, и состоял смысл деления Московского царства и самой Москвы на опричные и земские территории. Причем надел князя мог делиться только между его сыновьями, в то время как участки земли, подаренные кому-либо из «рабов», могли находиться в их пользовании не более 7 лет (Иез 46 16-18), что давало сакральную основу удельно-вотчинной системе, сформировавшейся к тому времени на Руси [11. С. 117–215].

Обращение к Иезекиилю объясняет и оправдывает также присутствие иностранцев в опричном войске: «Разложите ю [землю] жребием вамъ и приходомъ, обитавшимъ средѣ вас, иже суть родили сыны средѣ вас. И будутъ вамъ яко то земельцы сыномъ Израилевомъ: с вами да ядагъ въ причастіи средѣ племень Израилев. И будутъ въ племени приходостѣ въ приходѣхъ с ними, ту дасте причастіе, глаголетъ Господь Богъ» [19. Л. 149]¹⁰.

О том, что государь принимал на себя функцию спасителя своих подданных, свидетельствует и косвенная характеристика Ивана IV в летописном рассказе о поводе для развода Василия III и Соломонии Сабуровой, который появился во второй редакции 1547 г. Псковской I летописи (Погодинский список): «Того же лѣта [7031/1523] поеха князь великий, царь всея Роу-сии, в объездъ; бысть же шествовати емоу на колесницы позлащенней оруженницы с ним, яко же подобает царем; и возрѣвше на небо и видѣв гнѣздо птиче на древе, и сотвори плач и рыдание велико, в себѣ глаголюще: “Люте мнѣ, кому оуподоблюся аз; не оуподоблюся ни ко птицамъ небеснымъ, яко птицы небесныи плодови-ти суть, ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земнии плодови-ти суть, не оуподоблюся азъ никому же, ни водамъ, яко же воды сиа плодови-ти суть, волны бо ихъ утѣшаю-

ща и рыбы ихъ глумящеся; и посмотри на землю и глаголя: Господи, не уподобихся азъ ни земли сеи, яко и земля приноситъ плоды своя на всяко время, и ты благословлять, Господи”. И приѣхъ князь великий тоя осени изъ объезда къ Москве и начаша думати со своими бояры о своей великой княгини Соломонеи» [35. С. 102–103].

Часто этот рассказ транслируется историками буквально (см., напр.: [35]). Между тем, это не что иное, как перифраз апокрифического Протоевангелия Иакова: «И огорчилась очень Анна, но сняла свои одежды, украсила свою голову, надела одежды брачные и пошла в сад, гуляя около девятого часа, и увидела лавр, и села под ним и начала молиться Господу, говоря: “Бог моих отцов, благослови меня и внемли молитве моей, как благословил ты Сарру и дал ей сына Исаака”. И, подняв глаза к небу, увидела на дереве гнездо воробья и стала плакать, говоря: “Горе мне, кто породил меня? Какое лоно произвело меня на свет? Ибо я стала проклятием у сынов Израиля, и с осмеянием меня отторгли от храма. Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицамъ небеснымъ, ибо и птицы небесныи имеютъ потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварямъ бессловеснымъ, ибо и твари бессловесныи имеютъ потомство у тебя, Господи. Не подобна я и водамъ этимъ, ибо и воды приносятъ плоды у тебя, Господи. Горе мне, кому подобна я? Не подобна я и земле, ибо земля приноситъ по поре плоды и благословляетъ тебя, Господи”» [37. С. 149].

Ключом к пониманию смысла такого воспроизведения апокрифического текста в летописном рассказе служит ответ, который согласно Протоевангелию Иакова получила Анна: «И тогда предстал пред ней ангел Господней и сказал: “Анна, Анна, Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире”» [Там же]. Речь идет о том, что Анна станет матерью Богородицы, а потомством ее будет Спаситель. Такое понимание рассказа Псковской I летописи подтверждает наши выводы, следующие из сопоставления ретроспективной информации, сохранившейся как в письменных, так и в материальных источниках XVI в., об идеологии, которая легла в основу опричных мероприятий Ивана IV.

Другими словами, летописец вполне определенно охарактеризовал сына Василия III как полномочного представителя Спасителя (если не как самого Спасителя), который устроит для своих подданных «своеобразное русское чистилище перед Страшным судом» [12. С. 108]: «омывая кровью» их грехи, Иван IV, судя по всему, желал избавить их от вечных мук и тем самым приобщить к Царству Небесному (мысль, широко распространенная в древнерусских источниках). Когда же Иван убедился в том, что Господь не принял его претензию на роль Спасителя (что, в частности, нашло выражение в сожжении Опричного дворца отрядами Девлет-Гирея сразу по прошествии «последней» потенциальной даты конца света), опричина была отменена, а царь, осознавший, что впал в грех гордыни, начал каяться в содеянном...

Итак, детали Опричного дворца, описанные Штаде-ном и незамеченные либо неверно истолкованные Юргановым, получают вполне надежное объяснение при обращении к текстам Книги пророка Иезекииля и 3-й Книге Ездры, а догадка, высказанная исследователем, приобретает характер хорошо обоснованной гипотезы. В ее кон-

тексте все составляющие опричнины – от момента ее введения до конкретных деталей и отмены – приобретают логику и последовательность. В то же время проведенные наблюдения еще раз подтверждают, что только точное установление связей между текстами источников может стать залогом верификации подобных выводов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья об опричнине и Страшном суде неоднократно публиковалась автором – как самостоятельно, так и в качестве раздела книги [10–12]. При этом текст ее изменялся лишь стилистически, в то время как аргументация по существу не пересматривалась. В дальнейшем, чтобы не перегружать текст повторяющимися цитатами, будем ссылаться только на последнюю публикацию этой статьи.

² Чин помазания на царство был составлен, скорее всего, в середине 1550-х гг., однако венчание на царство самого Ивана IV помазанием, судя по всему, не сопровождалось (см.: [15. С. 109–113]). Тем не менее современники считали его царем-помазанником. Так, в Степенной книге Иван IV титулуется «святопомазанным царем» [16. С. 345], а А.М. Курбский называет Ивана «помазанцем Божиим» и упоминает «сан помазания царского» [17. С. 239, 261].

³ Впрочем, этого стиха (а следовательно, и прямого упоминания, что в основании Храма должны быть «камни обделанные»), в Острожской Библии нет. Зато в Хронографе редакции 1512 г. читаем: «И повелѣ Соломанъ приносити каменіе честное на основаніе храма» [18. С. 126 (первая пагинация)]. Слово «честный» в исторических словарях русского языка отсутствует. Но, судя по тексту Острожской Библии, словосочетания «тесаные камни» и «камни дорогие», а также «камни многоценные» и «камни великие» рассматривались как синонимичные: «И се вса баху каменемъ многоцѣннымъ украшена... Основаніе же бысть каменіемъ драгимъ и великимъ каменіемъ... И съверху такожде честного каменіа, по числу четвероуголно...» [19. Л. 168 об.]; ср. в синодальном переводе: «Все это сделано было из дорогих камней, обтесанных по размеру, обрезанных пилою... И в основание положены были камни дорогие, камни большие... И сверху дорогие камни, обтесанные по размеру...» (3 Цар 7 9–11).

⁴ Отказ от использования текста Острожской Библии, изданной практически в одно время с изучаемым им процессом, А.Л. Юрганов оправдывает довольно странным для серьезного исследователя аргументом: «Ввиду того, что в Острожской Библии 1581 г. нет разбивки текста на стихи, цитаты даются по Елизаветинской Библии. Разночтения в этих двух изданиях несущественны в рамках нашей темы» [12. С. 109, прим. 22].

⁵ Ср. в синодальном переводе: «И в руке того мужа трость измерения в шесть локтей, считая каждый локоть в локоть с ладонью» (Иез 40 5).

⁶ Ср.: «Бог небесный воздвигнет царство, которое веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу» (Дан 2 45).

⁷ Ср.: рассуждения по поводу трансформации содержания теории «Москва – третий Рим» [30. С. 457–459].

⁸ Впервые упоминается в Книге Степенной царского родословия, процитированной «от слова до слова» Н.М. Карамзиным [31. Прим. 182]: «Повелѣ [Иван IV] собрати свое Государство изъ городовъ всякого чину. I въ день недѣльный изыде со кресты на Лобное место» [32. С. 45]. Впрочем, это сообщение было оспорено С.Ф. Платоновым: «Рассказ об обращении царя к народу на Лобном месте находится всего в одной лишь рукописи, в так называемой Степенной книге Андрея Хрущова, и составляет в ней позднейшую вставку, сочиненную в конце XVII века или начале XVIII-го, на основании некоторых литературных пособий. Это – вымысел, которому нельзя верить, потому что он произволен и даже не всегда искусен» [33. С. 10].

⁹ Ср.: «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал» (Ин 19 19–22).

¹⁰ В синодальном переводе: «И разделите ее по жребію в наследіе себе и иноземцамъ, живущимъ у вас, которые родили у васъ детей; и они среди сыновъ Израилевыхъ должны считаться наравне с природными жителями, и они с вами войдутъ в долю среди коленъ Израилевыхъ. В которомъ колѣне живетъ иноземецъ, в томъ и дайте ему наследіе его, говоритъ Господь Богъ» (Иез 47 22–23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барац Г.М. О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях начальной русской летописи. Киев, 1907 (Отд. отт. из журн. «Украина»).
2. Барац Г.М. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святom. Киев, 1908.
3. Барац Г.М. Собрание трудов о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1926. Т. 1, кн. 1; Париж, 1927. Т. 1, кн. 2; Берлин, 1924. Т. 2.
4. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. 3-е изд., пересм. М., 1902.
5. Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2.
6. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
7. Скрынников Р.Г. Опричнина и последние удельные княжества на Руси // Исторические записки. 1965. Т. 76.
8. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969.
9. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России: (XV–XVI вв.). М., 1985.
10. Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3.
11. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
12. Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд // Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. М., 2003.
13. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.
14. Лихачев Д.С. Движение «жидовствующих» 70–90-х годов XV в. // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1945. Т. 2, ч. 1 : Литература 1220-х – 1580-х гг.
15. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.
16. Книга Степенная царского родословия по древнейшим спискам : тексты и комментарий : в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф ; изд. подг. под рук. Н.Н. Покровского // Полное собрание русских летописей. М., 2008. Т. 21, т. II: Степени XI–XVII. Приложения. Указатели.

17. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31 : Сочинения князя Курбского. Т. 1 : Сочинения оригинальные.
18. Русский хронограф. Часть первая // Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т. 22 : Русский хронограф.
19. Острожская Библия. Острог, 1581.
20. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 1993 [воспр.: 2-е изд. СПб., 1900].
21. Опарина Т.А. К вопросу об использовании III книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990.
22. Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudith, Sapientia und Makkabaer. Frankfurt am Main, 1972.
23. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
24. Изборник Святослава 1073 года. Факс. изд. М., 1983.
25. Streumoukhoff D. Mouskou the Third Rome: Sources of the doctrine // Speculum. 1953. XXVIII, Jan. 1.
26. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2.
27. Артамонов Ю.А. Княжеская символика в архитектуре древнего Холма // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): тезисы докладов научной конференции (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). М., 1996.
28. Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.
29. Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993.
30. Лурье Я.С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV – первой половины XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16.
31. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 8. Гл. 3.
32. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2.
33. Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. СПб., 1905.
34. Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т. 22 : Русский хронограф, ч. 1.
35. Псковская I летопись: продолжение Погодинского списка // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5, вып. 1 : Псковские летописи.
36. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1855. Т. 5. Гл. 3.
37. История Иакова о рождении Марии // Свенцицкий И.С. Апокрифические евангелия: исследования, тексты, комментарии. М., 1996.

Danilevsky Igor N. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: viddanin@mail.ru

SEMANTICS OF THE OPRICHNY PALACE AND THE SENSE OF THE OPRICHNINA: TO THE QUESTION OF THE EVIDENCE SYSTEM IN THE HISTORICAL RECONSTRUCTION.

Key words: historical sources; retrospective information; historical reconstruction; state ideology.

The aim of the presented article is to consider the conditions in which intuitive conjectures in historical constructions transform into a scientific hypothesis. In order to prove it, the author takes into account the procedure of identifying verbal texts which underlie the descriptions found in the historical source, and which explicitly reveal the meaning of the retrospective information. The methodological basis of the study is the hermeneutic approach. One of the unique sources was taken as an example: the only preserved description of the Oprichny Palace, left by the German *oprchnik* Heinrich Staden. A. L. Yurganov connected a number of details of this description (the square form of the palace, the three gates facing north, south and east, the absence of the western gate, the fact that only the Grand Duke could enter through the eastern gate, etc.) with the City of God described by the prophet Ezekiel. However, Yurganov tried to comprehend the details of the Staden's description through the Revelation of John the Theologian in order to emphasize the connection of the Palace with the eschatological expectations of the 16th century. Yurganov simply did not notice a number of other details (the coincidence of dimensions, the topography of the Palace, the dates of the creation of the Palace and the designation of the *oprchnina*, the connection of the Palace with other buildings that appeared in Moscow at the same time, etc.). All of this raised serious doubts about the accuracy of the proposed interpretation of Staden's description of the Oprichny Palace, if not discredited Yurganov's idea. These details receive correct interpretation when we turn to the Book of the Prophet Ezekiel and to the Third Book of Enoch. They are also the additional sources on which the article is based. A systematic analysis of the details of the Oprichny Palace makes it possible to assume with full justification that the *oprchnina* was a preparation for the End of the World, which was expected in 7077 (1569). Ivan the Terrible assumed the functions of the Savior, believing that he was the Messiah himself. The burning of the Oprichny Palace by the Crimean Khan Devlet Giray in 1572 was a sign for Ivan IV that God did not accept this claim. *Oprchnina* was abolished and the very word *oprchnina* was prohibited. Thus, a systematic appeal to the correct sources makes it possible to transform a clever assumption into a scientific hypothesis.

REFERENCES

1. Barats, G.M. (1907) *O bibleysko-agadicheskom elemente v povestyakh i skazaniyakh nachal'noy russkoy letopisi* [About the biblical-agadic element in the stories and legends of the initial Russian chronicle]. Kiev: [s.n.].
2. Barats, G.M. (1908) *Bibleysko-agadicheskie paralleli k letopisnym skazaniyam o Vladimire Svyatom* [The Bible-Aggadah parallels to the chronicles of St. Vladimir]. Kiev: [s.n.].
3. Barats, G.M. (1927) *Sobranie trudov o evreyskom elemente v pamyatnikakh drevnerusskoy pis'mennosti* [Collection of works on the Jewish element in the monuments of Old Russian writing]. Vol. 1(1). (Paris: [s.n.].
4. Klyuchevskiy, V.O. (1902) *Boyarskaya дума Древней Руси* [The Boyar Duma of Ancient Russia]. 3rd ed. Moscow: Sinodal'naya tipografiya.
5. Kashtanov, S.M. (1963) *K izucheniyu oprichniny Ivana Groznogo* [On the Oprichnina of Ivan the Terrible]. *Istoriya SSSR*. 2.
6. Zimin, A.A. (1964) *Oprichnina Ivana Groznogo* [Oprichnina of Ivan the Terrible]. Moscow: Mysl'.
7. Skrynnikov, R.G. (1965) *Oprichnina i poslednie udel'nye knyazhestva na Rusi* [Oprichnina and the last appanage princedoms in Russia]. *Istoricheskije zapiski*. 76.
8. Skrynnikov, R.G. (1969) *Oprichnyy terror* [The Terror of Oprichnina]. Leningrad: Leningrad State University.
9. Kobrin, V.B. (1985) *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii: (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia: (the 15th – 16th centuries)]. Moscow: Mysl'.
10. Yurganov, A.L. (1997) *Oprichnina i strashnyy sud* [Oprichnina and the Last Judgment]. *Otechestvennaya istoriya*. 3.
11. Yurganov, A.L. (1998) *Kategorii russkoy srednevekovoy kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: MIROS.

12. Yurganov, A.L. (2003) Oprichnina i Strashnyy sud [Oprichnina and the Last Judgment]. In: Karavashkin, A.V. & Yurganov, A.L. *Opyt istoricheskoy fenomenologii: Trudnyy put' k ochevidnosti* [The Experience of Historical Phenomenology: A Difficult Way to Obviousness]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
13. Staden, G. (1925) *O Moskve Ivana Groznogo* [About Moscow of Ivan the Terrible]. Translated from German by I/I/ Polosin. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.
14. Likhachev, D.S. (1945) Dvizhenie "zhidovstvuyushchikh" 70–90-kh godov XV v. [Movement of the "Judaizers" of the 1470-1490s]. In: Lebedev-Polyansky, P.I. et al. (eds) *Istoriya russkoy literatury : v 10 t.* [History of Russian Literature: In 10 vols]. Vol. 2(1). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
15. Uspenskiy, B.A. (1998) *Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii. Vizantiyskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie* [Tsar and Patriarch: Charisma of Power in Russia. The Byzantine Model and its Russian Rethinking]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
16. Pokrovskiy, N.N. & Lenkhoff, G.D. (eds) (2008) *Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam: Teksty i kommentariy : v 3 t.* [The Degree Book of Royal Genealogy on the Oldest Lists: Texts and commentary: in 3 vols]. In: Vasenko, P.G. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 21(2). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Kurbskiy, A.M. (1914) *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [History of the Grand Duke of Moscow]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 31. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.
18. Anon. (2005) *Russkiy khronograf: Chast' pervaya* [Russian Chronograph: Part One]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 22. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
19. Anon. (1581) *Ostrozhskaya Bibliya* [The Ostroh Bible]. Ostrog: [s.n.].
20. Anon. (1993) *Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta na tserkovnoslavyanskom yazyke s parallel'nymi mestami* [The Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in the Church Slavonic Language with Parallel Texts]. Moscow: Nikeya.
21. Oparina, T.A. (1990) K voprosu ob ispol'zovanii III knigi Ezdry v russkoy publitsistike XVI–XVII vv. [On the use of the third book of Ezra in Russian journalism of the 16th – 17th centuries]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma* [Public Consciousness, Bookishness, Literature of the Period of Feudalism]. Novosibirsk: Nauka.
22. Freidhof, G. (1972) *Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudit, Sapientia und Makkabaer* [Comparative linguistic studies on the Gennadius Bible (1499) and the Ostroger Bible (1580/1581). The books Paralipomenon, Esra, Tobias, Yudit, Sapientia and Makkabaer]. Frankfurt am Main: [s.n.].
23. Alekseev, A.A. (1999) *Tekstologiya slavyanskoy Biblii* [The text studies of the Slavonic Bible]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
24. Anon. (1983) *Izbornik Svyatoslava 1073 goda* [The Collection of Svyatoslav of 1073]. Moscow: Kniga.
25. Streumoukhoff, D. (1953) Mouskou the Third Rome: Sources of the doctrine. *Speculum*. 28.
26. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
27. Artamonov, Yu.A. (1996) [Princely symbolism in the architecture of Ancient Kholm]. *Stolichnye i periferiynye goroda Rusi i Rossii v srednie veka i rannee novoe vremya (XI–XVIII vv.)* [Capital and peripheral cities of Russia and Russia in the Middle Ages and early modern times (the 11th – 18th centuries)]. Proc. of the Conference. Moscow. December 3–5, 1996. Moscow. (In Russian).
28. Soboleva, N.A. (1991) *Russkie pechaty* [The Russian Press]. Moscow: Nauka.
29. Khoroshkevich, A.L. (1993) *Simvolyy russkoy gosudarstvennosti* [Symbols of Russian Statehood]. Moscow: Moscow State University.
30. Lurie, Ya.S. (1960) *Zametki k istorii publitsisticheskoy literatury kontsa XV – pervoy poloviny XVI v.* [Notes on the history of publicistic literature of the late 15th – first half of the 16th centuries]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 16. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
31. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 8. St. Petersburg: E. Prats.
32. Anon. (1819) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikh v Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of State Certificates and Treaties from the State Collegium of Foreign Affairs]. Moscow: [s.n.].
33. Platonov, S.F. (1905) *K istorii moskovskikh zemskikh soborov* [To the history of the Moscow Zemsky Sobor]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
34. Rozannov, S.P. (ed.) *Khronograf redaktsii 1512 g.* [Chronograph of the 1512 Edition]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 22. Moscow.
35. Anon. (2003) *Pskovskaya I letopis': prodolzhenie Pogodinskogo spiska* [The Pskov Chronicle I: Continuation of the Pogodin list]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5(1). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
36. Soloviev, S.M. (1855) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Vol. 5. Moscow: [s.n.].
37. Svetsitskaya, I.S. (ed.) (1996) *Apokrificheskie evangeliya: Issledovaniya, teksty, kommentarii* [Apocryphal Gospels: Studies, Texts, Comments]. Moscow: Pristsel's.